

Лев Толстой и колониализм

Эдита Бояновска

Был ли Толстой колониальным землевладельцем?

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ
В БАШКИРСКОЙ СТЕПИ¹

Edyta Bojanowska

Was Tolstoi a Colonial Landlord? The Dilemmas of Private Property
and Settler Colonialism on the Bashkir Steppe

Эдита М. Бояновска (Йельский университет, профессор; PhD) edyta.bojanowska@yale.edu.

Edyta M. Bojanowska (PhD; Professor, Yale University) edyta.bojanowska@yale.edu.

Ключевые слова: поселенческий колониализм, Российская империя, Башкирия, крестьяне, русская литература, собственность

Key words: settler colonialism, Russian Empire, Bashkiria, peasants, Russian literature, property

УДК: 821.161.1+94(47)
DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_156

UDC: 821.161.1+94(47)
DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_156

С опорой на новые архивные данные в статье излагаются ключевые факты, относящиеся к наименее изученному эпизоду биографии Льва Толстого — его самарскому поместью — и проливающие новые свет на роль этих владений в семейной экономике и структуре собственности Толстых. Используя имперскую историю и теоретическую перспективу исследований поселенческого колониализма, автор

Using new archival research, this article establishes key facts about the most understudied aspect of Lev Tolstoi's biography — his Samara estate — assessing its role in the Tolstoi family economy and property structure. Integrating imperial history with the theoretical perspective of settler colonial studies, the article argues that the estate functioned within the context of Russia's settler colonialism in Bashkiria. While this experience contributed to Tolstoi's rejection of private

1 Статья была впервые опубликована: *Bojanowska E.* Was Tolstoy a Colonial Landlord? The Dilemmas of Private Property and Settler Colonialism on the Bashkir Steppe // *Slavic Review.* 2022. Vol. 81. No. 2. P. 324–348. Выражаю глубокую признательность широкой группе коллег, чьи знания и ценные замечания помогли мне развить и связать воедино различные аспекты этого исследования: Джереми Аделману, Розамунд Барлетт, Джорджио ДиМауро, Михаилу Долбилову, Кэрил Эмерсон, Кате Правилловой,

демонстрирует, что имение функционировало в контексте российского поселенческого колониализма в Башкирии. Хотя этот эпизод и подтолкнул Толстого к отрицанию частной собственности, он не повлиял на убежденность писателя в «явном предназначении» России как поселенческой культуры. Сочувствуя несчастьям российских поселенцев, Толстой в то же время остался удивительно равнодушен к страданиям башкирских полукочевников, которых эти поселенцы вытесняли с их земель. Эти находки позволяют поставить под вопрос статус Толстого как наиболее последовательного противника империализма в русской литературе и свидетельствуют о необходимости переосмыслить проблему империи в творчестве и мышлении Толстого таким образом, чтобы одновременно учесть и его критику завоевания Кавказа, и принятие писателем поселенческого колониализма.

property, it never erased his enthusiasm for Russia's manifest destiny as a settler civilization. Sympathizing with the plight of Russian settlers, Tolstoi remained perplexingly indifferent to the suffering of the semi-nomadic Bashkirs they displaced. These findings complicate Tolstoi's status as Russia's premier anti-colonial writer, urging a more capacious framing of the problem of empire in Tolstoi's art and thought, one that balances his critiques of the military conquest of the Caucasus against his embrace of settler colonialism.

Крестьянин по имени Пахом уходит из «тесной» русской деревни в поисках дешевой земли. Его одолевает жадность, и он покупает все больше и больше, пока не гибнет при заключении своей самой выгодной сделки на краю Российской империи, в Башкирии, знаменитой рекордно низкими ценами на землю. Пахом ставит тысячу рублей за участок, который сможет обойти за один день, при условии, что вернется к закату на то место, откуда вышел, иначе деньги пропадут. Ему это удастся, но в последний момент он умирает от изнурения. В притче 1886 года для простого читателя «Много ли человеку земли нужно?» Лев Толстой так отвечает на заданный в заглавии вопрос: три аршина, которые требуются, чтобы похоронить Пахома, — ровно столько земли нужно любому человеку (XXV, 66—78)².

Эта мысль характерна для позднего, радикально настроенного Толстого, который к тому времени полностью отрицал или был близок к отрицанию частной собственности, любых форм насилия, половых отношений, потрепле-

Чарльзу Стайнвелду, Вилларду Сандерленду, анонимным рецензентам и редактору «Slavic» Review Гарриет Мурав. Сергей Антонов отвечал на множество вопросов и любезно предоставил логистическую поддержку. Поездка в самарские владения Толстого и работа в перечисленных ниже архивах Российской Федерации в Туле, Москве и Самаре стали возможны благодаря щедрому исследовательскому гранту Центра Макмиллан Йельского университета. Моя искренняя благодарность сотрудникам архивов, помогавшим мне в работе, и приветливым жителям Патровки (Самарская область), показавшим мне, где находилось бывшее поместье Толстого. Хочу также поблагодарить Елизавету Тимофееву за точный и выразительный перевод и моего коллегу из Йельского университета Константина Муравника за ценные консультации по стилистической части. В процессе работы над переводом в оригинальной статье были обнаружены три фактических недочета, которые были исправлены.

2 Здесь и далее ссылки на произведения Толстого даются по изданию: *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений и писем: В 90 т. М.: Худ. лит., 1928—1958 — с указанием номера тома и страницы в скобках. Хорошо известно, что Джеймс Джойс назвал это произведение «величайшим рассказом, известным мировой литературе» [Cognwell 1992: 28]. Происхождение рассказа принято связывать с чтением Толстым Геродота, в «Истории» которого описан похожий способ земельной сделки (XXV, 696—697).

ния мяса, законности государственной власти и Русской православной церкви. Однако в этой истории о поселенческой колонизации Башкирии, региона на Южном Урале, к востоку от Волги, есть и малоизвестный автобиографический компонент. Как и Пахом, Толстой купил земли в Башкирии почти за бесценок³. В рассказе схвачен тот момент, когда колониальная предприимчивость первооткрывателя превращается для Толстого в безнравственный поступок. Нам же рассказ открывает перспективу, позволяющую рассмотреть более общие и взаимосвязанные вопросы биографии писателя и его интеллектуальной эволюции, истории поселенческого колониализма в России и литературных откликов на развитие империализма, анализу которых будет посвящена эта статья.

В статье вводятся в оборот малоизвестные и до сих пор не известные юридические и экономические факты, собранные мной из печатных источников и архивов в Самаре, Туле и Москве, которые позволяют заполнить существенные пробелы в биографии Толстого, связанные с его поместьем в Самарской губернии. После хорошо известной Ясной Поляны, наследственной *lieu célèbre*⁴ Толстого, самарское имение было вторым по важности для его семьи в вопросах материального благосостояния, отдыха и общественной деятельности по меньшей мере в течение двадцати лет, начиная с 1870-х годов, и потому оно должно занимать гораздо более заметное место в биографии писателя, чем сейчас. Как я покажу далее, самарский хутор (так имение называли в семье) был не просто скромным местом для отдыха, каким его принято описывать, а огромным поместьем, приобретенным с целью получения выгоды и в итоге составившим огромное наследство для детей Толстого.

Происхождение этого поместья, история его приобретения и все дальнейшие преобразования, происходившие в нем, связаны с историей колонизации Башкирии, территория которой в XIX веке включала Оренбургскую и Уфимскую губернии и части Казанской и Самарской губерний. Как таковое поместье Толстого являлось частью имперского проекта по укреплению власти государства посредством передачи земель коренных народов славянским переселенцам. Таким образом, судьба этого поместья представляет собой микроисторию целого исторического процесса, которую такой вдумчивый актер, как Толстой, снабдил глубоко личными размышлениями. Наряду с местной историографией я также использую концепции быстро развивающейся области исследований поселенческого колониализма (*settler colonial studies*), в которой колонии поселенцев рассматриваются как самостоятельные колониальные образования с уникальными структурными особенностями, стратегиями легитимизации и дискурсивными методами.

Рассмотрение интеллектуального и художественного пути Толстого в этих контекстах позволит уточнить и переформулировать некоторые его ключевые аспекты. Самарский землевладельческий опыт сыграл важную роль в переосмыслении Толстым основ общественной жизни и частной собственности в особенности. Этот опыт подпитывал его увлечение поселенческим колониализмом, в котором Толстой видел «явное предназначение» России. Этот обычно оставляемый без внимания ракурс, в свою очередь, поднимает вопрос об

3 Мэтью Мангольд, к работе которого я обращаюсь ниже, связывает этот рассказ с самарским поместьем Толстого [Mangold 2017].

4 Знаменитое место (*фр.*).

отношении писателя к империи, ранее не выходящий за рамки завоевания Кавказа. Был ли автор «Хаджи-Мурата», считающийся самым ярким оппонентом колониализма в Российской империи, колониальным землевладельцем?

В этой статье доказывается, что интеллектуальное и этическое отношение Толстого к империи требует иного отношения. Превознося его осуждение кровавых завоеваний, которое действительно заслуживает высокой оценки, исследователи игнорировали его поддержку поселенческого колониализма. В сущности, толстовское видение империи не лишено характерных толстовских противоречий. Деромантизируя Кавказ, он продолжал романтизировать степь. Обращая внимание на страдания жертв военных завоеваний, он закрывал глаза на страдания вытесняемых кочевников. Отношение Толстого к своим самарским землям значительно менялось с течением времени, однако его сознательное и добровольное участие в колонизации Башкирии ставит под вопрос его предполагаемый антиколониализм и показывает, какими сложными путями связаны его представления о русских крестьянах с политикой империи. Общества, построенные на поселенческом колониализме, такие как Соединенные Штаты, Австралия или Россия, плохо поддаются деколонизации [Veracini 2010: 95]. Случай Толстого показывает, насколько мифы поселенческого колониализма устойчивы к демистификации.

Кумысник превращается в колониального землевладельца

В 1871 году Толстой, опасаясь возможной чахотки, приехал в Башкирию ради лечебных свойств кумыса, напиток, который местные башкиры готовили из забродившего кобыльего молока. В это время лечение кумысом было популярно среди больных чахоткой, которых также привлекал сухой степной воздух. Жизнь в башкирской юрте и диета из баранины и кумыса (без круп, овощей и соли) дали Толстому приятную передышку от «цивилизованных» забот. Поскольку кумыс был слабоалкогольным напитком, будущий проповедник воздержания с утра до вечера находился в легком опьянении. Домой он вернулся, чувствуя себя посвежевшим и здоровым, восхищаясь «примитивным» кочевым образом жизни башкир и этой сравнительно новой частью империи. Той же осенью он купил здесь свой первый участок земли.

В 1870-х годах каждое лето, за исключением двух, Толстой один, с друзьями или со всей семьей приезжал в свое самарское поместье, увеличившееся в 1878 году. В это время он интенсивно работал над «Анной Карениной», в которой отразились некоторые его впечатления о Самаре. Жара и минимальные удобства раздражали Софью Андреевну, но она ценила оздоровительное действие степи на своего мужа, бегавшего по ней без рубашки. Особые отношения сложились у него с поставщиком кумыса Мухаммедом Шахом Рахматуллиным. Рахматуллин читал Коран на арабском и хорошо говорил по-русски, поэтому Толстой любил бывать в его «салоне», как он шутливо называл безупречно чистую, устланную коврами юрту Мухаммеда. Этот образованный башкир вдохновил Толстого прочесть Коран по-французски. Дети Толстого и разные гости оставили красочные воспоминания об этих летних месяцах, наполненных поездками в деревню, охотой, сельскими ярмарками, общением с «экзотичным» коренным населением и лошадиными скачками, которые

Толстой проводил в своем имении. До сих пор в память о Толстом местные устраивают лошадиные скачки на этом же месте⁵.

Разумеется, отдыхать было легче, чем возделывать целину. Толстой сравнивал это занятие с азартной игрой: богатые урожаи сменялись неурожаями, а иногда и голодом⁶. В этих местах Толстой до сих пор почитается за то, что в 1873 году, возмущенный тем, что правительство игнорировало голод и бездействовало, он провел общественную кампанию по помощи голодающим крестьянам Самары, совершив тем самым один из своих наиболее социально значимых поступков. В своем обращении, напечатанном в «Московских ведомостях», он рассказал широкой публике о страданиях голодающих русских переселенцев и запустил национальную кампанию, благодаря которой удалось собрать 172 тонны зерна и почти 1,9 млн рублей [Гусев 1963: 145] (см. также: (XVII, 61—70))⁷. Перенесенные в Украину сцены голода в Самаре появились в рассказе Толстого «Два старика» (1885). Толстой также помог молоканам-переселенцам. Когда в 1897 году правительство отняло у них детей и поместило их в православный монастырь, убитые горем родители обратились за помощью к Толстому. Он писал письма высокопоставленным чиновникам и даже самому царю, рассказывал об бедственном положении молоканских семей в газете и тем самым поспособствовал возвращению детей [Мартиновская 2009: 248—271]⁸.

Как многим помещикам, не живущим в своем поместье, Толстому приходилось полагаться на других, чтобы управлять имением, находящимся в 700 милях (1100 км. — *Ред.*) от Ясной Поляны. Оно стало прибежищем для нонконформистов всех мастей, которым Толстой сочувствовал. Тульский дворянин Алексей Алексеевич Бибиков, нанятый Толстым в 1878 году в качестве управляющего, был сослан за причастность к покушению на Александра II, позже женился на крестьянке и раздал свою землю крестьянам. Его решение одеваться и работать по-крестьянски, скорее всего, повлияло на самого Толстого. Какое-то количество самарской земли Толстой отдал в аренду бывшему учителю своих детей Василию Ивановичу Алексееву, яркое прошлое которого включало участие в неудавшейся русской коммуне в Канзасе. Оба находились под наблюдением тайной полиции, как сам Толстой и вся разношерстная толпа либеральной интеллигенции, приезжавшей в Самару на лечение кумысом [Там же: 40—41, 248—271] (см. также: (LXII, 369; LXXXIII, 21).

-
- 5 Подробнее см. в: *Толстая С.А. Моя жизнь*. М.: Кучково поле, 2011. С. 218—222; *Толстой С.Л. Очерки былого*. Тула: Приок. кн. изд-во, 1968. С. 33—64; *Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания*. М.: Худ. лит., 1976. С. 125—157; *Толстой И.Л. Мои воспоминания*. М.: Худ. лит., 1969. С. 82—87; *Берс С.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом: В октябре и ноябре 1891 г.* Смоленск: Тип.-лит. Ф.Б. Зельдович, 1893. С. 54—62. Первые краткие поездки Толстого в Башкирию пришлось на 1851 и 1862 годы. Мухаммеда (Мухамед Шаха Рахматуллина) в семье Толстого называли «Романьчем».
 - 6 *Берс С.А. Воспоминания...* С. 59.
 - 7 Семья Толстого продолжала благотворительную помощь самарским крестьянам на уровне всей страны и во время голода последующих лет, в 1891—1892 и 1898—1899 годах (см.: LXXII, 76—77; LXXXIII, 185).
 - 8 Это дополненное переиздание важнейшей книги на данную тему: [Мартиновская 1988]. Общение Толстого с сектантами привело к тому, что в 1882 году его поместили под официальный полицейский надзор. Молокане (они назывались так потому, что продолжали есть молочные продукты во время Великого поста) отрицали официальные религиозные обряды и опирались исключительно на Священное Писание.

Хотя Толстой считал Бибикова кристально честным человеком, он был недоволен им как управляющим. Иногда в поместье приходилось вкладывать средства из других источников дохода. Снисходительность Бибикова к крестьянам усугублялась их барином, не одобрявшим судебных тяжб. В конце концов они помирились, но Толстой все равно считал Бибикова виновным в провале лошадиной фермы, основанной в 1875 году с целью скрещивания казахских и русских лошадей для кавалерии [Там же: 42, 74]⁹.

Сложности управления имением по доверенности и угрызения совести из-за огромной разницы между богатыми землевладельцами и крестьянами-поселенцами заставили Толстого в 1880-х окрестить самарское имение своим «восточным вопросом». Этим термином было принято описывать соперничество России и Османской империи, которое в России считали сложной проблемой азиатской политики. В 1883 году Толстой хотел решить этот вопрос путем ликвидации имения, которое к тому времени уже тяготило его душу, как тяжкий грех, и бесплатно раздать землю поселенцам. Однако Софья Андреевна, на попечении которой находились восемь их детей, а также управление поместьями и семейными финансами, считала новообретенные взгляды мужа эгоистичными и разорительными для детей. Не желая раздражать ее, Толстой отдал землю в аренду крестьянам и продал инвентарь и всю сельскохозяйственную технику, когда в последний раз приехал в имение в 1883 году [Там же: 251]¹⁰.

Однако ни от помещичьих хлопот, ни от угрызений совести избавиться не удалось. К июню 1884 года агент, нанятый годом ранее для управления ликвидацией поместья, уволился, оставив несобранных долгов на 10 000 рублей. Толстой умолял Бибикова добиться хотя бы частичного сбора аренды, надеясь передать собранные деньги в фонд для бедных крестьян. Он утверждал, что затеял это «не для того, чтобы сделать добро, а чтобы быть меньше виноватым» (LXIII, 180—182); см. также: (LXIII, 187, 192). Софья Андреевна, на которую в мае 1883 года он оформил доверенность с лицензионными правами на все свои произведения, написанные до 1881 года, положила конец этой благотворительности и потребовала, чтобы деньги были присланы ей. Бибиков уволился осенью, сохранив собственную аренду. С этого времени старший сын Толстого Сергей Львович заведовал имением с помощью наемных управляющих до его раздела между младшими братьями и сестрами в 1892 году.

За исключением Розамунд Бартлетт, представившей наиболее подробное описание самарской усадьбы, биографы Толстого обходили ее стороной, упоминая о ней только в контексте экзотического местного колорита (башкиры и кумысы) и общественной деятельности Толстого в пользу голодающих. Покупку Толстого они объясняли заботой о здоровье и любовью к региону, как будто для отдыха или лечения кумысом так уж необходимо было покупать тысячи акров земли (многие сезонные *кумысники* обходились без этого). Бартлетт, возможно, единственная, кто пишет, что Толстой надеялся извлечь выгоду, хотя и не говорит, добился ли он этого. До сих пор исследователями не рассматривались ни происхождение имения, ни кто владел землями раньше, ни какую роль эти земли играли в семейном хозяйстве Толстых

9 Толстой С.Л. Очерки былого. С. 45, 145; см.: (LXXXIII, 379).

10 См. также: LXXXIII, 376—380; Толстой С.Л. Очерки былого. С. 151, 154; Толстая С.А. Дневники: В 2 т. М.: Худ. лит., 1978. Т. 1. С. 96.

[Bartlett 2011]¹¹. Имперская экспансия России в степь упоминается в работе Бартлетт; некоторые источники упоминают поселенцев, однако они, как правило, избегают колониального подхода к описанию событий и игнорируют ограбление коренного населения¹². Единственное исключение — Виктор Шкловский, который в своей биографии Толстого рисует яркими красками грандиозное мошенничество, способствовавшее превращению Башкирии в колониальную окраину России. Однако Толстой у Шкловского остается незапятнанным под тем слабым предлогом, что землю он покупал у башкир не напрямую. Провокационные изыскания Шкловского в итоге упираются в то, что он называет противоречием: «...человек, который... был против земельной собственности, купил... в Самарской губернии больше шести тысяч десятин земли» [Шкловский 1967: 326—327]¹³.

Много ли тульскому князю земли нужно?

Толстой, которого башкиры называли «князь Тул», что значило «тульский князь», купил два участка в Бузулукском уезде Самарской губернии, в 85 верстах к юго-востоку от Самары, рядом с деревнями Гавриловкой и Патровкой (сейчас — Алексеевский район Самарской области). Оба — за счет авторского гонорара от его шедевров, что устанавливает любопытную связь между литературной и колониальной собственностью. На обильные гонорары, полученные за «Войну и мир», 9 сентября 1871 года Толстой купил 2500 десятин. 12 апреля 1878 года на доходы от «Анны Карениной» он купил смежный участок в 4022 десятины [Гусев 1963: 31, 474]¹⁴. Хотя эти цифры известны, их значение не попадало в поле внимания исследователей. Общая площадь этих покупок составила 6522 десятины, или около 71 квадратного километра, что примерно на 20% больше площади острова Манхэттен. Пусть их нельзя сравнить с колониальными латифундиями региона в 50 или 100 тысяч десятин, но все же они были не скромным местом сельского уединения, купленным Толстым из прихоти, а крупнейшей за всю его жизнь сделкой с недвижимостью.

-
- 11 Биография Айлмера Моде опирается преимущественно на переписку Толстого и не касается этого вопроса после 1881 года [Maude 1910]. А.Н. Уилсон считает, что Толстой бежал в Самару в поисках простой жизни [Wilson 1988], а Анри Труайя — что в поисках передышки от семейной жизни [Troyat 1967]. В русскоязычной биографии авторства Алексея Зверева и Владимира Туниманова поместье практически не упоминается [Зверев, Туниманов 2007]. Ни слова о нем не говорится и в небольшой книге Андрея Зорина [Зорин 2020].
 - 12 Об отрицании жестокости поселенчества как ключевом аспекте дискурса поселенческого колониализма см.: [Veracini 2010: 25, 76—86; Wolfe 2006].
 - 13 На рассмотрение этого вопроса Шкловским могли повлиять соображения самооценки. Он утверждает (не приводя каких-либо аргументов), что Толстой сознательно и в ущерб собственной выгоде решил купить землю у башкир не напрямую [Шкловский 1967: 331]. Мне кажется, что вариант прямой сделки не представлялся возможным, потому что к 1870-м годам в Самарской губернии лишь небольшая часть земли оставалась принадлежать самим башкирам, особенно если речь шла об участках большого размера, которые интересовали Толстого. Десятина — мера земли в царской России, равная примерно 2,7 акрам. Я не перевозжу десятины в акры, чтобы оставить возможность перепроверки в источниках.
 - 14 *Толстая С.А.* Моя жизнь. С. 277. О «тульском князе» см. также: [Мартиновская 2009: 22].

Своим размером эти земли затмевали владения Толстого на собственнорусских территориях. В 1847 году писатель получил в наследство 1481 десятину в Ясной Поляне. После того как он продал часть земли своим крепостным или для уплаты карточных долгов, количество оставшейся у него земли сократилось до 370 десятин. В 1870 году он унаследовал 1153 десятины в Тульской губернии от своего брата Николая. Это означает, что земли Толстого в центральной части России составляли лишь от 6 до 19% всех его владений. Если опираться на размер поместья, а не на постоянное место жительства, Толстого было бы точнее назвать не тульским, а самарским помещиком [Гусев 1959: 237; Bartlett 2011: 90, 102, 109, 136]¹⁵. Первый участок был куплен за 20 000 рублей, второй — за 42 000, или по цене 8 и 10 рублей за десятину соответственно. По сравнению с ценами на пахотные земли в Центральной России эти сделки были невероятно выгодными, хотя и не настолько, как в рассказе о Пахоме¹⁶.

Следует помнить, что молодой Толстой, прежде чем стать проповедником аскетизма, был смелым бизнесменом, занимавшимся коммерческой деятельностью с целью получения выгоды. В письме скептически настроенной жене он утверждает, что покупка 1871 года «выгодности баснословной, как и все покупки здесь» (LXXXIII, 196), обещая ей «доход... в 10 раз против нашего <в России>, а хлопот и трудов в 10 раз меньше» (LXXXIII, 191). Он пишет, что при хороших урожаях инвестиции окупятся за два года, хотя существует риск потерь из-за неурожая. Толстой задумывается о еще более выгодной покупке в Уфимской губернии, где башкиры продают землю по 3 рубля за десятину: «Можешь себе представить... леса, степи, реки, везде ключи, и земля нетронутый ковыль с сотворения мира, родящая лучшую пшеницу, и земля только в 100 верстах от пароходного пути» (LXXXIII, 199—200, 203). Только нежелание прерывать лечение кумысом помешало писателю заключить эту выгодную сделку. В этом письме он воспекает плодородное первозданное пространство, на котором нет местных жителей и которое ждет русских поселенцев, чтобы они подняли занавес истории¹⁷.

Поскольку доходы и продукция Ясной Поляны шли на покрытие непосредственных хозяйственных нужд и расходов большого семейства, самарские земли, наряду с авторскими гонорарами, были основным источником денежных средств. Они помогли расплатиться за московский дом. Судя по 1881 году, хороший урожай мог принести от 10 до 30 тысяч рублей годового дохода, в зависимости от размера инвестиций в урожай следующего года. Впрочем, за-

15 О наследстве 1847 и 1870 годов см.: [Летопись 1958: 31—32, 366]. Толстой отчитывался о своей собственности в 1892 году, когда делил ее между своими детьми. Завещание Толстого хранится в архиве тульского нотариуса Якова Белобородова в Государственном архиве Тульской области (далее — ГАТО), ф. 12, оп. 7, д. 463, л. 43—50 (далее — Раздельный акт). Машинописный экземпляр завещания, в котором осталось несколько ошибок и который значителен в архиве как «Акт передачи и распределения имений между детьми», хранится в Государственном музее Л.Н. Толстого (далее — ГМТ), ф. 1в—4е.

16 Собственную Ясную Поляну Толстой оценил в 40 рублей за десятину в 1856 году и 90 рублей — в 1892-м (V, 248; Раздельный акт). О капиталистических аппетитах молодого Толстого см.: [Эйхенбаум 2009: 444].

17 В письме Толстого отчетливо выражен дискурс поселенческого колониализма (о его особенностях см.: [Johnston, Lawson 2005: 363—365]).

сухи ставили прибыль под сомнение. После того как Толстой ликвидировал собственное поместье, сдача земель в аренду принесла ему более 130 000 рублей за 12 лет¹⁸.

Несмотря на цикл подъема и спада сельскохозяйственного производства в степи, сама земля стала лучшей инвестицией Толстого за всю его жизнь. Она обеспечила наследство трем из его восьмерых детей. Отказавшись от частной собственности, 7 июля 1892 года Толстой завещал свои земли семье. Самарские земли были разделены между тремя младшими детьми — Александрой, Андреем и Михаилом; небольшая часть также досталась Льву, в дополнение к унаследованному им московскому дому¹⁹.

Предполагалось, что доли братьев и сестер будут равными, но самарские земли взлетели в цене. В 1900 году местный банк оценил каждый из трех основных участков в 160 000 рублей. Участки Андрея и Михаила он оценил как прибыльные, с годовым доходом в 7019 рублей и 16 691 рубль соответственно (поместье Александры с доходом в 2114 рублей являлось исключением, потому что в то время в нем выращивалось только сено). Банк посчитал их надежными инвестициями, отметив, что арендная плата ниже рыночной и низкоинтенсивное земледелие, практикуемое Толстыми, не позволяли точно предсказать потенциальную прибыль. Недостаток частных земель на продажу также увеличивал стоимость участков в регионе²⁰. В том же году земля, купленная Толстым по 8 и 10 рублей за десятину, была продана самарскому купцу-миллионеру Якову Гавриловичу Соколову и его сыну по цене 73 рубля за десятину. Это было в три раза больше, чем предполагал Толстой еще восемь лет назад, когда делил свою собственность между детьми. Меньше чем за тридцать лет начальная инвестиция Толстого в 62 000 рублей принесла примерно семикратную прибыль, оставив четверем из его детей наследство почти в полмиллиона рублей²¹.

-
- 18 Поскольку первые два года владения самарской землей совпали с голодом, Толстой, по его собственным заверениям, потерял 20 000 рублей; в 1875 году он ничего не потерял. Известно, что урожай 1874, 1878, 1881 и 1883 годов были хорошими (см.: LXII, 198; LXXXIII, 248, 262, 389; GMT, ф. 42, № 33793 (план платежей аренды, 1883—1895) [Афанасьев 1984: 18—20]. О московском доме см.: (LXXXIII, 376).
- 19 Толстой, Раздельный акт. До совершеннолетия младших детей доверенность на их собственность была оформлена на Софью Андреевну. Толстой начал избавляться от собственности в 1891 году, когда он публично отказался от прав на собственные произведения, написанные после 1881 года, см.: [Pravilova 2014: 233—238].
- 20 Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому, 1862—1910. М.: Academia, 1936. С. 733. Материалы Самарского отделения Государственного дворянского земельного банка хранятся в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО), ф. 322, оп. 1, д. 1471, 1510, 1578.
- 21 GMT, ф. 42, № 33772, 33776, 33777 (документы, относящиеся к продаже 1900 года); см. также: [Мартиновская 2009: 294—295]. В разделе собственности 1892 года стоимость самарской земли была обозначена по 25 рублей за десятину (Раздельный акт). Продажа была вызвана желанием Андрея обналчить свое наследство и купить поместье рядом с Ясной Поляной (Толстая А.Л. Отец: жизнь Льва Толстого. Т. 2. М.: Книга, 2001. С. 271). Я.Г. Соколов был купцом первой гильдии; к 1910 году ежегодный доход его компании составлял 3 млн рублей. Он был филантропом, почетным гражданином Самары, а также членом городской думы, см.: [Дачи Соколовых и Шихобалова].

Башкирия: колониальный грабёж

Башкирия была землей исповедующих ислам тюркоязычных полукочевых скотоводов — преимущественно башкир, а также татар, калмыков и чувашей. Когда в середине XVI века башкиры вышли из подчинения ногайскому хану и дали клятву верности Ивану IV, это было истолковано русскими как объявление подданства. Впоследствии националистическая историография начала видеть в этом событии добровольное присоединение к Российской империи. Царям нравилась возможность использовать башкир как военный буфер от непокоренных народов на востоке степи, поэтому они обещали башкирам наследственные права на землю и предлагали им разнообразные привилегии, таких как свобода исповедовать ислам, сословный статус и сниженное налогообложение, что давало их знати преимущества, которых не было у их татарских и казахских соседей. И все же на протяжении двух столетий башкиры были одной из самых непокорных групп, особенно когда их привилегии начали постепенно отниматься. Только в 1812 году им пришлось окончательно подтвердить свою преданность империи, выставив 10 000 человек кавалерии для победы над Наполеоном.

Растущая безопасность региона привлекала переселенцев, которые оказывали экономическое давление на коренных жителей. Русских крестьян манило изобилие плодородной земли, казавшейся им свободной. Татарских, мордовских и чувашских мигрантов, бегущих от имперского гнета, влекли более низкие налоги и преимущества сословного статуса (башкирское сословие, как и казацкое, не зависело от этнической принадлежности). За ними последовала правительственная администрация, несущая с собой дары цивилизации и современного управления, нацеленного на превращение диких степей в царство разума, порядка и «пользы». Около 1,7 млн переселенцев прибыли в степь между 1796 и 1835 годами. В 1816—1834 годах население Бузулука, будущего уезда Толстого, увеличилось на 40%, когда туда переселилась треть Тамбовской губернии. Стесняемые нескончаемым наплывом легальных и нелегальных мигрантов, а также представителями имперской администрации, которая либо откровенно подыгрывала переселенцам, либо отказывалась принимать реальные меры по ограничению их засилья, башкиры в конце концов потеряли значительную часть земли и пастбищ. Стада рогатого скота и лошадей уменьшались. Последовавшая за этим нищета еще больше усилила их потребность продавать свои земли или сдавать их в аренду безземельным крестьянам (*припущенникам*), которые и без того часто самовольно захватывали территории, а в случае возникновения споров полагались на поддержку администрации²².

Несмотря на частичные приостановки и отмены, процесс обезземеливания местных жителей неумолимо продолжался. Запреты XVII века на продажу башкирских земель были отменены в 1739 году. Это вызвало лавину приобретений со стороны дворян и государственных чиновников, которые покупали огромные участки земли за бесценок, злоупотребляя тем, что башкиры были плохо знакомы с российским рынком и правовыми нормами. Описывая пере-

22 Здесь и во всем этом разделе я опираюсь преимущественно на [Steinwedel 2007; 2016], а также на [Преображенский 1923: 36–37, 55–56; Sunderland 2004: 113].

селение своего деда, Сергей Аксаков в «Семейной хронике» (1856) рассказывает, что можно было купить огромные участки земли по 50 копеек за десятину, если перед этим устроить башкирам пир из нескольких жирных баранов и ведер вина. В подтверждающих покупку документах границы участков были обозначены расплывчатыми координатами, такими как засохшая береза, безымянная речка или лисьи норы. Одна и та же земля могла быть продана дважды разным покупателям или перепродана незаконно. Обычно стоимость земли удваивалась менее чем за десять лет. Стандартным эпитетом Башкирии, которым также пользовался Толстой, было прилагательное «баснословная»: баснословные урожаи и баснословные цены на землю. Юго-восточная степь действительно была самым плодородным регионом европейской части России [Преображенский 1923: 30, 38; 83, 196; Steinwedel 2016: 89]²³.

Для ясности в случаях различных земельных претензий, а также чтобы иметь подробное описание имперских территорий, пригодных для продажи и развития, правительство провело ряд мероприятий по установлению точных границ отдельных владений, так называемое Генеральное межевание, которое дошло до Оренбургской губернии, тогда в значительной степени совпадавшей с Башкирией, в 1798 году и было закончено к 1823-му. Повсеместно встречавшиеся махинации инспекторов и подкуп со стороны заинтересованных в покупке земли дворян превратили эту благонамеренную правительственную инициативу в еще один пример колониального жульничества. Как отмечает Чарльз Стайнведель, межевание стало «предлогом», чтобы избавить башкирские общины от «запасной» земли. Участки, которые в будущем купит Толстой, попали во владение государства именно в результате Генерального межевания [Steinwedel 2007: 108; Преображенский 1923: 37]²⁴.

Когда отчаянное экономическое положение башкир поставило под угрозу их военную службу империи, в 1818 году правительство снова запретило продажу башкирских земель, а потом ослабило этот запрет в 1832-м. После Великих реформ, которые, по словам Стайнведеля, были «для башкир не такими уж великими» [Steinwedel 2016: 143], освобожденные крепостные хлынули в Башкирию en masse, вызвав тем самым земельную лихорадку, напоминающую золотую лихорадку в Калифорнии. Между 1869 и 1878 годами башкиры потеряли почти миллион десятин земли. В самых плодородных регионах потери достигали 40%. Учитывая время и объем происходящего, Стайнведель проводит параллель между российским колониальным захватом земли в Башкирии и захватом Францией земель кочевых арабов в Алжире в 1860 году [Ibid.: 145—146]. Уменьшенные земельные наделы также ухудшали положение новых переселенцев, подвергая их риску голода. Излишне говорить, что засухи были вызваны в том числе экологическими последствиями колониального землепользования, которые привели к огромной потере вододерживающих лесных массивов и нарушению уровня грунтовых вод из-за добывающего земледелия. Обозначенные на картах реки и озера уже через несколько лет невозможно

23 См. также: Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М.: Правда, 1966 (глава «Переселение»). Урожайность см. на карте, воспроизведенной в [Sunderland 2004: 157]. См. также: [Ibid.: 93—94].

24 В межевых книгах Генеральное межевание указано основным источником земель для обоих участков Толстого: Межевая книга имения Бистрома // ГМТ, ф. 42, № 33807; Межевая книга имения Тучкова // ЦГАСО, ф. 388, оп. 4, д. 2605.

было найти [Steinwedel 2007: 108; 2016: 95; Преображенский 1923: 65, 77; Усманов 1981: 5]²⁵.

По мнению некоторых имперских администраторов, решением проблем колонизации была еще большая колонизация, как выразился Уиллард Сандерленд [Sunderland 2004: 95]. Источником проблем кочевников считалась не потеря земли, а ее излишество. Решение они видели в еще большем обезземеливании, благодаря которому кочевники быстрее смогли бы понять преимущества оседлой жизни. Разумеется, принудительный переход к оседлому образу жизни, основанный на представлении о кочевничестве как о патологии, есть форма биополитического насилия, которая готовит почву для других изъятий и ставит под угрозу выживание коренного населения, препятствуя его традиционной экономической деятельности.

Выдающимся сторонником перехода к оседлому образу жизни был офицер, под началом которого Толстой служил во время Крымской войны, Николай Андреевич Крыжановский (1818—1888), генерал-губернатор Оренбурга с 1865 года. Толстой навещал его в 1876 году, когда приезжал в Оренбург, чтобы купить лошадей для своей фермы. Враг как кочевничества, так и ислама, Крыжановский предложил два законопроекта, которые способствовали дальнейшему извлечению прибыли из башкирских земель. Первый опустил имущественный минимум для башкир, желающих продать свою землю. Вторым был закон 1871 года, предоставлявший привилегии для «образованных и полезных» покупателей, своего рода юридический фиговый листок, прикрывающий русскую элиту. С открытием этой золотой жилы участки земли «размером с Бельгию» продавались по смехотворным ценам дворянам, офицерам и чиновникам, которые извлекали колоссальные прибыли, перепродавая их крестьянам по рыночным ценам, более чем в 25 раз превышавшим те, что заплатили они сами. Таков был климат, в котором Толстой купил свой первый участок в 1871 году, хотя сам он не воспользовался этой схемой (свои земли он купил в Самарской губернии, созданной в 1851 году, включавшей в себя западные части Оренбургской губернии) [Усманов 1981: 35, 40—42; Steinwedel 2016: 126—128; Sunderland 2004: 95, 192—193; Veracini 2010: 44]²⁶.

Крайности, до которых доходило явление, получившее название колониального расхищения, всколыхнули российское гражданское общество. К 1880 году пресса подняла этот вопрос на уровень общенационального скандала, изображая башкир как жертв коррумпированного и хищного государства, которое заботилось только об обогащении своих чиновников. Было начато расследование, но, несмотря на выявленные злоупотребления, очень небольшое количество земли было возвращено коренному населению. В 1881 году Крыжановский был разжалован и лишен звания генерал-губернатора, которое затем было полностью упразднено. Вместе с собой он утащил на дно бывшего

25 Согласно Положению о башкирах 1863 года, власть в Башкирии перешла под контроль царского правительства, что положило конец статусу башкир как отдельного сословия и связанных с ним привилегий, уравнивая их с русскими крестьянами [Steinwedel 2016: 124]. Как и в случае отказа Соединенных Штатов признавать коренные американские племена, поселенческие государства растворяли местное население в поселенческом до его полного юридического уничтожения, что являлось мощным инструментом поселенческой колониальной политики и позволяло отнимать у аборигенов их права на землю.

26 См. также: (LXXXIII, 228—229).

министра внутренних дел Петра Валуева, который был также вынужден уйти в отставку с поста председателя Совета министров²⁷.

Примерно в это время Толстой решил избавиться от своего самарского имения. Хотя сложности удаленного управления помещьем и угрызения совести из-за обладания частной собственностью на землю копились уже давно, разразившийся скандал, вероятно, ускорил или укрепил его желание ликвидировать имение в 1883 году и полностью избавиться от него в 1892-м. Владение землей в Башкирии утратило для него дух исторической романтики и вместо этого стало ассоциироваться с клеймом общественного осуждения. «Много ли человеку земли нужно?» Толстого несомненно было публикацией на злобу дня, вот только оно преподносило урок о вреде колониальной жадности крестьянам, хотя дворяне и государственные чиновники нуждались в нем гораздо больше.

В другом рассказе Толстого для простого читателя, «Ильясе» (1885), критика частной собственности тоже направлена не по адресу. В нем рассказывается о баснословно богатом скотоводе Ильясе, который на старости лет теряет все свое состояние и вместе с женой нанимается простым работником к другому богатому башкиру, Мухамедшаху (названному так в честь толстовского поставщика кумыса). Только тогда и он, и жена понимают, что никогда не были счастливее (XXV, 31–34). Получается, что в то время, когда российская журналистика изображала башкир беспомощными жертвами колониального грабежа, а настоящий Мухаммед Шах жаловался Толстому на собственную нищету (об этом далее), придуманные Толстым башкиры нашли счастье в полном отсутствии собственности. Едва ли исследователю колониализма удастся найти более впечатляющий случай, когда влияние поселенцев на местное население так замалчивалось и скрывалось бы.

Происхождение имения

Толстой купил землю у высокопоставленных служащих, генералов от инфантерии, в 1864 году награжденных за безупречную службу императором Александром II государственными землями в Самарской губернии. Первый участок, купленный Толстым в 1871 году, принадлежал генерал-губернатору Москвы Павлу Алексеевичу Тучкову (1806–1864). Земля была дарована ему посмертно. Часть этой земли Толстой купил у его сына и наследника Николая Павловича Тучкова. Генерал Тучков был членом Государственного Совета, высшего совещательного органа при императоре, ветераном Русско-турецкой войны 1828–

27 См. в [Steinwedel 2007: 109–111] краткое описание этого скандала, начавшегося с многочисленных прошений башкир, наводнивших государственные учреждения в основном в Оренбургской и Уфимской губерниях. Иск башкир поддерживался «Русскими ведомостями», «Голосом» и «Неделей». «Голос» сообщал о поразительных административных злоупотреблениях, которые обрекли башкир на нищету, повальный голод и болезни (см. особенно № 34 и 103 за 1881 год). Государственная политика снова изменилась в 1882 году с введением нового запрета на продажу башкирских земель всем, кроме государства или крестьянских общин, что было отменено поправками 1898 года [Steinwedel 2016: 160–162]. Валуев, занимавшийся делами башкир в 1870-х годах на посту министра государственных имуществ, на момент его окончательной отставки был председателем Совета министров.

1829 годов, кампании по подавлению Польского восстания в 1831 году и Крымской войны. Вторым продавцом был Родриг Григорьевич Бистром (1810—1886), помощник главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа и член военного совета, отличившийся при подавлении Польского восстания 1863 года (ил. 1)²⁸.

Ил. 1. Памятник на месте второго участка земли Толстого, купленного у Бистрома. Надпись: «На этом месте была усадьба Л.Н. Толстого, в которую он приезжал в 1872—1883» (фото автора)

Если учесть, когда это происходило, оба пожалования землей, по всей видимости, были частью происходившей после отмены крепостного права передачи башкирской земли российскому чиновничеству и дворянству. Имущественные документы указывают, что неустановленное количество государственных крестьян было помещено на этих землях во время Генерального межевания 1800 года, что было утверждено в 1836-м. Однако при передаче казенной земли в 1864 году участки были незаселенными, а участок Тучкова оставался незаселенным и на момент его покупки Толстым. Крестьяне-арендаторы Бистрома появились на участке только в 1868 году, когда он подал прошение о праве сдавать землю в аренду²⁹. Остается загадкой, почему крестьяне пропали между 1800 и 1864 годами, как раз во время резко возросшего земледельческого поселенчества. Вполне возможно, что они существовали лишь только на бумаге, чтобы подготовить почву для захвата этих земель государством, так

как присутствие русских поселенцев, даже находящихся там на полуправовых или совершенно незаконных основаниях, в качестве припущенников, позволяло толковать право собственности не в пользу башкир.

И действительно, из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве Самарской области, следует, что пожалованные Тучкову и Бистрому земли были предметом давней обиды со стороны башкир. В актах купли-продажи и межевых книгах на оба участка рассматриваемая территория указана как «Сынрянский Бушмач Кипчакской и Курпеч-Табынской волос-

28 Межевая книга имения Тучкова // ЦГАСО, ф. 388, оп. 4, д. 2597 (Государственное пожалование земли вдове Тучкова). Толстой купил примерно половину изначально пожалованных 5022 десятин. См. также: Межевая книга имения Бистрома.

29 См.: 62, 375; ЦГАСО, ф. 388, оп. 4, д. 2597; ЦГАСО, ф. 388, оп. 3, д. 1979, л. 15—16 (Прошение Бистрома в Сенат, 1868). О незаселенном статусе участка см.: ГАТО, ф. 12, оп. 7, д. 463, л. 21—22 (нотариально заверенный договор о продаже земли Толстому Тучковым); Геометрический специальный план дачи, пожалованной барону Бистрому // ГАТО, ф. 12, оп. 7, д. 463, л. 36—38. Сын Бистрома Николай в 1871 году посетил самарское поместье и встретился с соседом Толстым (LXXXIII, 196).

тей». Это были клановые территориальные единицы башкирского самоуправления³⁰. Большое количество сохранившихся документов, в основном карт, показывает, что башкиры оспаривали незаконное присвоение государством «Сынрянского Бушмача». По всей видимости, российская администрация почитала эти земли «дикорастущими» — как она обычно воспринимала земли кочевников — и передала их в казну после Генерального межевания 1800 года, либо собираясь заселить их крестьянами, либо утверждая, что уже заселила ими³¹. Маловероятно, чтобы генералы, которые едва ли когда-нибудь ступали на свою землю, или Толстой знали о сомнительности собственных прав на нее. Но архивные записи показывают, что, хотя Толстой и не покупал эту землю непосредственно у башкир, как было отмечено Шкловским, лишь два посредника — казна и те, кому она подарила земли, — отделяли его от имущественных претензий местных жителей, убежденных, что имперское правительство поступило с ними незаконно.

Поселенческий колониализм в башкирской степи

Вернемся к вопросу о том, был ли Толстой колониальным землевладельцем. Если не вдаваться в детали, колониализм в том виде, в каком его осуществляли европейские империи того времени, состоял из захвата и последующего контроля над трудом, товарами и территориями этнически или культурно иного населения, которому приходилось перестраивать собственную экономику в интересах накопления имперским центром широкого спектра преимуществ — экономических, стратегических и прочих. В основе колониальных отношений лежат отсутствие равноправия и, как правило, эксплуатация. Поселенческий колониализм был особой формой колониальной практики, которая включала вытеснение коренного населения с собственной земли и устройство на этих территориях внешних для нее сообществ, претендовавших на роль нормативных, полномочных и изоморфных метрополии.

Исследования поселенческого колониализма выделяют несколько важных черт, отличающих его от миграции и других форм колониализма. В отличие от эмигрантов, поселенцы зависят от захвата и удержания территории. Согласно знаменитому разграничению Джеймса Белича, эмигранты присоединяются к чужому обществу, тогда как поселенцы воспроизводят свое собственное [Belich 2009: 150]. В отличие от колониальных администраторов, солдат или миссионеров, поселенцы обычно приезжают не на время, а навсегда. Это

30 «План дачи, пожалованной барону Бистрому» и «Межевые книги» имений Тучкова и Бистрома.

31 ЦГАСО, ф. 388, оп. 41, д. 173в—ф и д. 175а (18 карт казенных земель Сынрянского Бушмача, оспариваемых башкирами); ЦГАСО, ф. 388, оп. 54, д. 7 (Межевая книга нарезки к деревне Александровке для Тамбовских крестьян); ЦГАСО, ф. 388, оп. 41, д. 60 (Геометрический специальный план 15-десятичной пропорции в деревне Грековке). Все документы, датированные между 1851 и 1918 годами, показывают, что «башкиры оспаривали» Сынрянский Бушмач или что он был «отчужден от башкир». Переход земли сынрянских башкир в казну («земля, отчужденная в казенное ведомство») также указан в: Опись дел архива Государственного Совета. Т. 2. Дела Государственного совета: С 1830 года по 1839 год. СПб.: Гос. тип., 1908. С. 205 (пункт 111).

позволяет Патрику Вольфу утверждать, что поселенческое вторжение представляет собой своего рода структуру, а не отдельное событие [Wolfe 1999: 2]. В то время как другие формы колониализма пользуются трудом колонизованного населения, поселенческий колониализм стремится отнять их землю. Таким образом, коренное население вытесняется или перемещается посредством различных физических, территориальных, юридических, административных, культурных и символических средств, главная цель которых, как выразился Альберто Мемми, состоит в том, чтобы «узаконить неправомерное присвоение» (цит. по: [Veracini 2010: 94]). По замечанию Лоренцо Верачини, поселенцы переносят культуру и политические нормы метрополии, одновременно с этим пытаясь стать местным населением и тем самым «изжить» свою колониальную сущность [Ibid.: 6, 16, 22]³².

Поселенческий колониализм господствовал в башкирской степи. И все же, несмотря на то что заселение Россией этой и других имперских территорий является фактом, не подлежащим сомнению, его колониальный характер пытались оспаривать. Как показывает Сандерленд, российский имперский дискурс придумывал остроумные способы описания собственной империи как неимпериалистической. Точно так же о российском колониализме в рамках этого дискурса говорят как о неколониальном. В основе обоих отрицаний лежит один и тот же принцип. Русский национализм был склонен преуменьшать инаковость и отдельность периферий; погрузившись в фантастический мир, управляемый идеей «явного предназначения», имперская экспансия выглядела естественной и предопределенной; позже объявивший себя антиколониальным Советский Союз отказался от критики царского колониализма, объявив его «прогрессом». Условия континентальной экспансии — казалось бы, такой непохожей на заморский колониализм западноевропейских империй, однако, как мы теперь понимаем, мало отличающейся от поселенческой колонизации Великих равнин Северной Америки или пампасов Южной Америки, — размывали границы между российскими и не российскими территориями. Эта экспансия также подпитывала представление о славянской поселенческой колонизации как об аграрном развитии недоиспользованных земель [Sunderland 2003]³³. Сегодня идея о том, что Российская империя не была колониальной, а ее акторы были лишены колониальной ментальности, все больше переходит в область имперских мифов. Хотя территориальная смежность Российской империи размывала ее колониальный характер для имперских представителей и бенефициаров, в ретроспективе она заслуживает более внимательного рассмотрения. Тот факт, что поселенческий колониализм основывается на «завуалировании условий собственного происхождения», по выражению Верачини, только делает важнее задачу их разоблачения [Veracini 2010: 14]³⁴.

32 О «логике уничтожения», свойственной поселенческому колониализму, см. также: [Wolfe 1999]. Как следует даже из моего краткого изложения, многие якобы уникальные черты российского колониализма могут быть следствием преобладания в России его поселенческого варианта.

33 О колониальной парадигме как проблеме историографии см.: [Sunderland 2000]. О колониальности российской экспансии много писалось в последние десятилетия XIX века, см.: [Ibid.: 212—213]. Описание доктрины «явного предназначения» как фантастической восходит к [Sunderland 2004: 170].

34 Общий подход к колониальности Российской империи особенно уместен в данном случае [Khodarkovsky 2018; Morrison 2017].

Толстовское владение самарским поместьем на самом деле очень близко к колониальным механизмам, действовавшим в Башкирии. Конкретные башкиры, вытесненные с земли, которую позже купил Толстой, оспаривали легальность захвата даже в рамках имперского законодательства. Толстой не скрывал, что покупка была продиктована коммерческими причинами, а не кумысом, он знал, что «баснословные» цены были гораздо ниже настоящей стоимости этой земли и появились как результат эксплуатации башкир. В сущности, колониальная собственность стоимостью полмиллиона рублей, переданная русским писателем своим детям, была отнята у башкир. Как будет показано далее, Толстой, очарованный романтическим мифом «явного предначертания» русского крестьянства на востоке, поддерживал славянское переселенчество в Башкирии и не проявлял особых сожалений по поводу вытеснения коренного населения.

Во время поездок в самарскую степь «князь Тул» много общался с башкирами, татарами, ногайцами и казаками. Он собственными глазами видел превращение кочевников региона в торговцев кумысом, обслуживающих чачоточных больных и туристов. Местные жители рассказывали ему, как империя лишала их средств к существованию, причем он узнал обо всем этом еще до первой покупки земли. «У них совсем не так хорошо, как было прежде» (LXXXIII, 178), — писал он жене. «Землю у них отрезали лучшую, они стали пахать, и бо́льшая часть не выкочевывает из зимних квартир» (Там же) (без доступа к летним пастбищам стада фактически были обречены на голод). Сын Толстого Сергей вспоминает, что Мухаммед Шах Рахматуллин, друг его отца, постоянно рассказывал о резком ухудшении условий жизни башкир. Он жаловался, что из-за потери земли и круглогодичного заточения в одних и тех же зимних пастбищах стада уменьшаются и обедневшие башкиры вынуждены отказаться от традиционных пиров, известных своим обилием. Сергей обвиняет Российское государство в том, что оно отнимает землю у башкир и передает ее крестьянам и богатым сановникам, тем самым заставляя башкир принять земледелие, к которому они очевидно были не пригодны³⁵. Его отец был бенефициаром этих сановников; он участвовал в колониальном предприятии, из-за которого они и оказались на землях башкир.

История самарского имения Толстого иллюстрирует резкий экономический конфликт между богатыми помещиками, владевшими латифундиями, и крестьянскими поселенцами, экономическое благополучие которых также ухудшалось. Хотя крестьяне уходили из Центральной России, чтобы избежать притеснения со стороны помещиков, эти помещики догоняли крестьян и на периферии. После отмены крепостного права одним из способов компенсации экономических потерь дворянам со стороны государства была передача им земель коренных народов на окраинах империи. В исследованиях по поселенческому колониализму принято считать поселенцев одновременно и колонизируемыми, и колонизаторами, поскольку, будучи вытесненными из «родных стран» по политическим, экономическим или религиозным причинам, в новых местах они становились агентами как раз тех стран, из которых бежали [Johnston, Lawson 2005: 363]. Толстой считал русских поселенцев жертвами колонизации дворян-захватчиков и некомпетентного государства, отказываясь при этом признавать жертвами и башкир.

35 См.: (LXXXIII, 177); Толстой С.Л. Очерки былого. С. 36—37.

Тем удивительнее, что свой второй самарский участок Толстой увел из-под носа у переселенцев. Делегация самарских крестьян, желавших купить эту землю для совместного пользования, добралась до Санкт-Петербурга, чтобы передать предложение напрямую генералу Бистрому. Благодаря находившемуся в Самаре доверенному лицу Толстой узнал об условиях, которые они собирались предложить, и, воспользовавшись полученной информацией, улучшил условия собственного предложения. Любопытно, что предприимчивые крестьяне, которых Толстой называл своими «конкурентами», предлагали больше денег, чем граф. Вместо того чтобы повысить цену, он представил себя как более надежного покупателя, который быстрее выплатит остаток. Таким образом, этот значительный участок земли достался не нуждающимся крестьянам, а и без того крупному помещику и его наследникам³⁶.

От «явного предначертания» к критике (колониальной) собственности

Энтузиазм, охвативший Толстого при мысли о России как поселенческой цивилизации, отчетливо прослеживается в «Анне Карениной» (1878). Левин проводит эту мысль в своей книге о земледелии, видя миссию русских крестьян в том, чтобы «заселить огромные, незанятые пространства на востоке» (XIX, 255). Резко критикуя такие механизмы имперской экспансии как военный авантюризм или капитализм, роман возлагает надежды на якобы мирную аграрную империю под опекой поместной аристократии. Еще один отголосок самарских впечатлений в романе — Каренин, образ которого частично списан с Валуева, в бытность министром государственных имуществ возглавлявшего разграбление башкирских земель. Он представлен в романе в роли неудачливого управляющего как поселенческой колонизацией, так и этническими меньшинствами.

Когда черновики «Анны Карениной» еще лежали разбросанными по столу, Толстой, параллельно занимаясь покупкой земли у Бистрома, возвращается к своему старому проекту, роману «Декабристы», фрагменты которого в 1863 году перекочевали в «Войну и мир». В 1870 году Толстой налил в старые мехи молодого вина, превратив «Декабристов» в «переселенческий роман». Этот проект напоминает беллетризованную версию труда Левина. Толстой так описывает его жене:

Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так в «Анне Карениной» я люблю мысль *семейную*, в «Войне и мире» любил мысль *народную*, вследствие войны 12-го года; а теперь мне так ясно, что в новом произведении я буду любить мысль русского народа в смысле *силы заволадевающей*» (LXII, 301)³⁷.

Она уточняет, что под этим понимается «постоянное переселение русских на новые места на юге Сибири, на новых землях к юго-востоку России, на реке Белой, в Ташкенте и т. д.»³⁸. Несмотря на интерес к этой теме, Толстой по неиз-

36 Дело описано в переписке Толстого с дядей его жены В.А. Иславиным, находившимся в Санкт-Петербурге, который по просьбе писателя вел переговоры от его имени (LXII, 372–376).

37 См.: Толстая С.А. Дневники. Т. 1. С. 502.

38 Там же. С. 502, 504.

вестным причинам прекратил работу над «Декабристами» в феврале 1879 года и направил все свои силы на «Исповедь».

Ил. 2. Памятник Толстому в Бузулуке
(фото автора)

В сохранившемся черновике «Декабристов» 1878 года действие романа начинается в 1818 году с земельного спора между государственными крестьянами деревни Излегощи Пензенской губернии и соседним землевладельцем³⁹. Ученые не обращали внимания на биографическую составляющую этого черновика. На кону — 4000 десятин земли, то есть примерно столько, сколько Толстой приобрел в Самаре в том же году, перехитрив своих крестьянских «конкурентов». Князь Чернышев незаконно отнял эту землю у сельской общины. Он аристократ и отец шестерых детей, как и Толстой на тот момент. Несколько правовых юрисдикций решило этот вопрос в пользу крестьян, однако Чернышев полагается на высший орган власти, Государственный совет, надеясь закулисно склонить чашу весов

правосудия в свою сторону. Если бы в дальнейшем развитии сюжета его бесчестная схема сработала, это создало бы все предпосылки для переселения крестьян в степь. Сосланный декабрист, скорее всего сын самого Чернышева, должен был встретить этих переселенцев где-нибудь под Иркутском или Самарой и присоединиться к ним. Фабула частично основывается на реальном источнике: прошении от 1815 года крестьян из Тамбовской губернии о переселении в Бузулукский уезд. В своем переселенческом романе Толстой собирался описать предков своих соседей в Бузулуке (ил. 2)⁴⁰.

Как и другие тексты Толстого, основанные на самарских впечатлениях, этот черновик игнорирует колониальную действительность. Жертвы, которых лишают земли, — не коренное население, а крестьяне. Чернышев отмахивается

39 Действие ранней версии «Декабристов» разворачивалось в башкирской степи. В центре событий была фигура Василия Алексеевича Перовского (1793—1857), военного губернатора Оренбурга (что включало и Самару) между 1830-ми и 1850-ми годами. Перовский был полной противоположностью Крыжановскому: он не хотел выкорчевывать кочевничество, учитывал мнения башкирских лидеров, охотно приглашал их на праздники и освоил некоторые из местных обычаев, чем заслужил популярность среди башкир (см.: [Steinwedel 2016: 96]; LXII, 366, 371—372, 397).

40 Черновик «Декабристов» 1878 г. см.: (XVII, 38—55). См. также: *Толстая С.А.* Дневники. Т. 1. С. 505. Возвращение декабриста тридцать лет спустя должно было показать живительную и морально укрепляющую силу ссылки (см.: XVII, 496—497). Новые подробные исследования текстологии «Декабристов» см. в новом академическом Собрании сочинений Толстого: *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 100 т. Художественные произведения: В 18 т. Т. 9. М.: Наука, 2014. С. 270—286, 659—700. Толстой узнал о прошении тамбовских крестьян благодаря В.А. Иславину, который служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ, см.: [Гессен 1958].

от их жалоб и заявляет, что их жизнь достаточно хороша и без земли, являющейся предметом спора. Вероятно, Толстой говорил себе то же самое о крестьянах, которых он перехитрил. Точно так же государство относилось к жалобам башкир. Чернышев не видит за собой вины, потому что сам он не отнимал землю у крестьян — сорок лет назад это сделал его отец (см.: XVII, 47). Рассказчик скептически настроен по отношению к этому сомнительному с юридической и с моральной точки зрения объяснению. Интересно, как отнесся бы к нему автор, если бы знал, что его землю отняли у башкир примерно за сорок лет до того, как он ее купил.

Представление о поселенческой колонизации как об историческом предназначении России несло для Толстого эмоциональный заряд, который заставлял его отвергать и вычеркивать любые не согласующиеся с ним реалии. В августе 1870 года, вернувшись из своего степного хутора, он высказывается о «борьбе кочевого быта (миллионов на громадных пространствах) с земледельческим, первобытным» (LXII, 199). Происходящий в степи исторический процесс зачаровывает его: «...но что там — мухи, нечистота, мужики, башкирцы, а я с напряженным уважением, страхом проглядеть, вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно» (Там же). Советские историки отмечали разницу между «стихийной» колонизацией, проводимой крестьянами, которые спонтанно пускались на поиски пахотной земли, и хищнической «помещичьей»; данное различие наверняка встретило бы понимание со стороны Толстого. Когда в 1883 году он поехал ликвидировать свое имение, встреченных переселенцев он описывал как «очень трогательное и величественное зрелище» (LXXXIII, 377).

Если верить жене Толстого, его особенно пленила история переселявшихся в Сибирь тамбовских крестьян. Когда у них закончились деньги и провизия, они посеяли и собрали урожай «на земле, принадлежавшей киргизам» [Гусев 1963: 251]⁴¹, и продолжили свой путь. Они повторяли этот сценарий, пока не добрались до Китая, где осели на «на брошенной китайцами и манчжурами земле» [Там же: 252]. Толстовское понимание этой истории проясняет его представление о русском крестьянстве как «силе завладевающей»: «Хотя земля китайцев, но ее стали считать русской, и теперь она, несомненно, завоевана не войною, не кровопролитием... а этой русской земледельческой силой русского мужика» [Там же]. Современные историки согласны с этим восприятием русских крестьян как «настоящих колонизаторов». Поскольку крестьянское самоопределение основывалось не на государстве, а на людях и общине, любое место, куда они приходили, воспринималось ими как Россия [Sunderland 1998: 181]⁴².

41 Мнение Толстого известно нам благодаря Софье Андреевне, пересказ которой полон явных противоречий. Эта, казалось бы мирная, экспансия обернулась жестокой стороной, когда маньчжуры напали на поселенцев, вследствие чего «русские сделали крепость и защищаются», добавляет она. Вооруженные столкновения с маньчжурами на этой земле явно противоречат тому, что они оставили эту землю или отказались от притязаний на нее. О принципе «используй или потеряешь» применительно к колониальному дискурсу см.: [Wojanowska 2018: 130–140].

42 Полное игнорирование государственных границ было характерно не только для русских поселенцев. Их американские современники похожим образом заявляли свои права на земли, принадлежащие Испании, Франции, Мексике и племенам коренных американцев, «уверенные, что американский суверенитет вскоре последует за ними» [Foner 1998: 50].

Поразительно, но даже по мере того как росло толстовское неприятие частного землевладения, его вера в крестьянскую задачу освоения пустынных пространств не ослабевала. На практике его идея отдать самарскую землю крестьянам согласовывалась с обоими убеждениями: она позволяла одновременно и избавиться от частной собственности, и поспособствовать крестьянской миссии по освоению степи. Ключевым в понимании Толстого являлось различие между двумя способами владения землей — крестьянским и собственным вестернизированному дворянству. «La propriété c'est le vol» («Собственность есть кража») — это высказывание Пьера-Жозефа Прудона появилось в записной книжке Толстого в 1865 году (XLVIII, 84) и свидетельствует о том, что Толстой начал размышлять о вреде частной собственности задолго до того, как официально отказался от нее. Он предсказывает, что отказ русского народа от частной земельной собственности в пользу общины станет вкладом России во всеобщий прогресс.

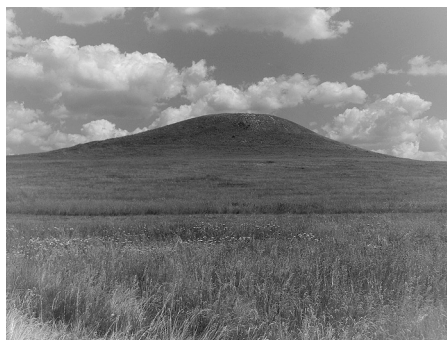
Поселенческие общины остаются иммунны к радикальной критике частной собственности в политико-экономическом трактате Толстого «Так что же нам делать?» (1884, 1886). Параллельно эта критика проводилась и в беллетристике, в рассказе «Холстомер» (1885). Хотя трактат был написан под впечатлением от работы писателя в городских трущобах во время московской переписи, Толстой использует землевладение в качестве примера тому, что частная собственность является корнем зла всей современности. Этот вывод в целом созвучен недоверию к собственности среди русской интеллигенции, которую они, по словам Ричарда Уортмана, связывали с «чувством угнетения и эксплуатации, незаконного захвата того, что принадлежит всем, с попустительства деспотичной политической власти» [Wortman 1989: 14]. В связи с этим Толстой доказывает, что захватить власть над землей, на которой работают другие, — значит поработить их. Насилие или угроза насилия способствуют таким захватам и искажают стоимость труда, превращая тем самым деньги в далеко не нейтральное средство обмена. Всю жизнь Толстой популяризировал идеи американского экономиста Генри Джорджа и поддерживал его предложение национализировать землю и установить налог на пользование ей. В романе «Воскресение» (1899) джорджист Нехлюдов отдает свою землю крестьянам при условии, что они будут регулярно отчислять деньги в кассу взаимопомощи. Такую же систему Толстой внедрил в поместье дочери в 1894 году, хотя и с переменным успехом⁴³.

«Так что же нам делать?» основано на естественном праве каждого человека использовать землю и своим трудом добывать на ней пропитание. В идеализированном и упрощенном представлении Толстого именно этим и занимаются русские переселенцы: они прибывают на место и обрабатывают столько земли, сколько могут. Порочные практики наподобие ренты, процен-

43 О том, как Пьер-Жозеф Прудон и Генри Джордж вдохновили Толстого отказаться от собственности, см.: [Bartlett 2011: 318; Pravilova 2011: 377; Weickhardt 2012]. По мнению Джорджа, единый налог на землю должен был быть единственным налогом со стороны государства. Татьяна, разделявшая увлечение отца Джорджем, была разочарована, когда крестьяне, которым она передала свою землю, перестали вносить деньги в фонд для чрезвычайных обстоятельств (*Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. С. 356—360). В черновиках «Воскресения» Нехлюдов изображен имперским помещиком, владевшим крупными поместьями в Украине и Самаре (XXXIII, 344—345, 352).

тов или капитала возникают благодаря праву собственности, которое принадлежит людям, желающим эксплуатировать крестьянский труд. Наряду с этим примером Толстой вспоминает жителей острова Фиджи, землю которых отняли американские и британские колонизаторы и тем самым поработили их. Трактат ставит знак равенства между традиционным неимущественным отношением к земле русских поселенцев и островитян Фиджи, описывая и тех и других как жертв эксплуатации схожего типа. Толстой не задумывается о том, что в реальном мире права поселенцев и местных жителей могут противоречить друг другу, как если бы, например, остров Фиджи, подобно Башкирии, стал местом поселенчества (XXV, 182—411, особенно главы 17—19).

При этом собственный опыт участия в колониальной экономике конца XIX века должен был бы показать Толстому, что крестьянская община быстро уходила в полумифическое прошлое. Толстой и сам отдавал свою самарскую землю в аренду отдельным поселенцам, а не общине⁴⁴. Капиталистическое накопление земли как капитала, беспощадная конкуренция, схемы обогащения, придуманные государственными чиновниками в сговоре с помещиками, все большее обнищание сельских пролетариев, и в основе всего этого колоссального колониального мошенничества — эксплуатация коренного населения: все это плохо сочеталось с описанными в трактате гипотетическими картинами крестьянской общины, мирно обрабатывающей землю под лучами благосклонного солнца, не принося никому вреда. Частная собственность правила степью в полном смысле этого слова.

Ил. 3. Шихан на первом участке земли Толстого, купленном у Тучкова (фото автора)

Разочарование Толстого заметно уже в «Много ли человеку земли нужно?» (1886). Мэтью Мангольд проводит параллель между историей крестьянина Пахома и тем, что в то время было известно о самарском имении Толстого, и помещает их в контекст российской колонизации степи. Автобиографическое содержание рассказа в его трактовке связано не с этнографической обочиной (знакомство Толстого с обычаями башкир), а с центром, то есть с вопросом собственности. В отличие от Мангольда, я вижу в «Много ли человеку земли нужно?» историю не столько об имперском ли-

цемерии, сколько о моральной расплате, во всяком случае за то, что касается отношения Толстого к русским поселенцам⁴⁵. В рассказе обыгрываются утрусения совести самого Толстого из-за владения землей, мучившие его с 1880-х годов. Такой же шихан (холм), как и тот, что стал последним приютом несчастного Пахома, был топографическим ориентиром первого купленного Толстым хутора. Местные до сих пор называют его словом «шихан» (ил. 3).

44 ГМТ, ф. 1в—4д (Самарские арендные обязательства Л.Н. Толстому, 1892—1895).

45 Мангольд обвиняет «богатого Толстого» в том, что он так и не смог на практике воплотить то, что проповедовал: он не смог перенять ни порядочность идеализированных им крестьян, ни кочевую идиллию романтизированных им башкир [Mangold 2017].

Центрбежное миграционное и колониальное движение Пахома в поисках доходной собственности схоже с толстовским. В конце концов, оно оказалось для писателя столь же нравственно губительным, как для придуманного им крестьянина. Когда дети Толстого получили в 1900 году колоссальную прибыль, продав самарские земли, Толстой, по дошедшим до нас сведениям, считал свою роль в их обогащении с нравственной точки зрения отвратительной:

Всегда лежит у меня на совести, что я, желая отказаться от собственности, сделал тогда такие-то акты (Завещал детям свою собственность. — Э.Б.). Мне теперь смешно думать, что выходит, как будто я хотел хорошо устроить детей. Я им сделал этим величайшее зло. <...> Это так противоречит моим мыслям, желаниям, всему, чем я живу (LXXII, 428—429).

В ужасе от этой продажи он пишет в письме: «Земля не может быть объектом собственности» (Там же)⁴⁶.

Именно на этом строится «Много ли человеку земли нужно?». Несмотря на вынесенный в заглавие вопрос о количестве, рассказ не то что сокращает размер субъективных человеческих потребностей, а отрицает саму идею владения хоть чем-нибудь, кроме временного отпечатка своего тела на земле. Эта идея эхом отразилась в написанном в то же время «Так что же нам делать?»⁴⁷. При этом в рассказе дифференцируются более и менее отвратительные виды владения собственностью. Изначально крестьяне собираются купить землю *миром*, но дьявол разобщает их, и они покупают себе участки *порознь*. Каждая последующая покупка усиливает отчужденность Пахома от общины. Чтобы собрать первый взнос, он отдает сына в подмастерья; в поисках больших участков он уходит из своей деревни. Его апогей как собственника совпадает с точкой наибольшей отчужденности, когда его опускают в одинокую могилу в неделю пути от того места, где он оставил жену (XXV, 68—69, 72)⁴⁸.

Башкиры, изображенные в рассказе невинными детьми природы, — те самые толстовские простые «пользователи» земли без индивидуалистических притязаний на нее — с радостью делятся ей с Пахомом. Однако их старшина знает все о межах, деньгах и купчих, потому что ему уже приходилось иметь дело с такими, как Пахом. Помня бесчестные приемы, которые пришлые из метрополии использовали против его общины, он теперь платит им той же монетой. Таким образом, дьявольский ореол вокруг него не более чем проекция демонов самого Пахома. И если условие старшины закончить обход к закату может показаться западней, Пахом скорее попадает в ловушку собственной жадности. Любопытно, что башкиры помогают Пахому, когда напоминают ему, что на вершине холма солнце еще не село, в отличие от того, как ему кажется с подножия. Мангольд отмечает, что мысль Толстого о том, что у башкир якобы нет представления о владении землей, не более чем плод его колони-

46 Размышления Толстого дошли до нас благодаря его другу А.Б. Гольденвейзеру (LXXII, 428—429). Однако предшествующей осенью Толстой советовал сыну Андрею не продавать самарскую землю, потому что она приносила стабильный доход и росла в цене (LXXII, 214—216).

47 В «Так что же нам делать?» Толстой утверждает, что единственное, чем мы можем действительно обладать — это наше тело: продолжение нашего самосознания, подвластное нашей воле (XXV, 398—399).

48 До открытия железнодорожного сообщения между Самарой и Оренбургом в 1875 году путь из Ясной Поляны в самарское поместье также занимал неделю.

ального воображения [Mangold 2017: 82—83; Praviłova 2011: 353, 373, 374]. Оно проецирует на башкир ориенталистские представления агентов империи и тем самым льет воду на мельницу колониальной экспроприации. Башкиры в рассказе Толстого не страдают от наплыва русских крестьян.

Однако, хотя в рассказе и нет признания страданий башкир, он является притчей не просто о человеческой жадности, а именно о жадности колониальной и, безусловно, о российской колонизации Башкирии. Русскому крестьянину, возможно, и не нужно много земли, но ему точно не нужна башкирская земля. Колониализм показан в этом рассказе как квинтэссенция алчности, крайнее ее проявление, в соответствии с ленинским высказыванием об империализме как высшей стадии капитализма⁴⁹. Возвращаясь в 1889 году к вопросу о крестьянском переселении, Толстой, похоже, приходит к выводу, что кочевники с самого начала были правы: «Земледелие, заменяющее кочевое состояние, к<оторое> я выжил в Самаре, есть первый шаг богатства, насилий, роско<ши>, разврата, страданий. На первом шаге видно» (L, 114). Другими словами, самарский урок привел писателя к критике не колониализма, а земледелия. В своем дневнике, осторожно, так сказать под сурдинку, Толстой выдвигает гипотезу о том, что земледелие, которое он изначально превозносил как предназначенный свыше двигатель имперской экспансии России и считал самым благородным и важным видом человеческой деятельности, само по себе может быть корнем всего зла⁵⁰.

Штык и плуг

Наличие земли на отдаленной имперской периферии и необходимость управлять ей заставили Толстого всерьез переосмыслить частную собственность, землевладение и даже земледельчество. Колониальная степь была для Толстого не столько холстом, на котором отображались его философские и нравственные искания, сколько инкубатором, благодаря которому они появились.

В то же время преобразующее воздействие этого опыта было не безгранично. Сомнения Толстого в основах современного общества не включали в себя сомнения во всемирно-исторической миссии русского народа по заселению «пустой» степи. Но полученный опыт повлиял на эту идею, сгладив ее первоначальный триумфализм. Хотя некоторые элементы мировоззрения Толстого, такие как протест против частного владения землей или сочувствие к башкирам, возможно свести в единое неприятие им поселенческой колонизации со стороны России, нет никаких доказательств, что сам Толстой воспринимал их

49 «Своим владали, чужим не корыстовались» (XXV, 67) — эта мораль другого рассказа, «Зерно с куриное яйцо» (1886), — подготовила переход к рассказу о Пахоме в изданном «Посредником» сборнике «Три сказки».

50 В 1896 году Толстой пишет об «искушении» темой «борьбы патриархального кочевого образа жизни с земледельческим культурным». Эта тема снова возникает в 1903 году в списке возможных литературных сюжетов (LII, 99; LIV, 341). Темная сторона земледельчества как деятельности по увеличению урожая также появляется в рассказе Толстого «Как чертенок краюшку выкупал» (1886), который помещен в «Трех сказках» после «Много ли человеку земли нужно?». В этом рассказе дьявол приводит добродетельного крестьянина к краху, даруя ему богатые урожаи: лишнее зерно крестьянин направляет на неагостивые цели, такие как изготовление водки.

как составляющие единого комплекса. До настоящего антиколониализма оставался всего лишь один шаг, но этого шага Толстой так и не сделал.

В моральной и социальной оценке Толстым подобных колониальных ситуаций существовала слепая зона. Как колониальный помещик, он признавал собственную вину в том, что способствовал обнищанию русских крестьян, но никак не в ограблении башкирских кочевников. В Башкирии Толстой видел трагедию русских переселенцев, которых эксплуатировали крупные помещики, игнорировали государственные чиновники, которых угнетали арендными платежами и подвергали риску неурожая и голода. Башкиры, несмотря на всю свою экзотичность, в его представлении не являлись субъектами общественной жизни, положение которых нуждалось в исправлении. Башкирам было предначертано уступить арену истории русским крестьянам, так что же было по их поводу руки заламывать? Вопрос Толстого «Так что же нам делать?» относился только к русским крестьянам, а не к башкирам, которых они безжалостно вытесняли.

Моральное отвращение Толстого к тому, как выгодно его дети продали сармарскую землю, основывалось на понимании, что они «живут на счет народа, который я когда-то ограбил, и они продолжают грабить» (LXXII, 429). Говоря *народ*, он имел в виду переселенцев, а не коренное население периферии. Нигде он не называет башкир жертвами собственного или государственного ограбления. Несмотря на наплыв аферистов, башкиры из «Много ли человеку земли нужно?» ничуть не утратили жизнерадостности. Отказавшись от собственности и испытывая все большие сомнения в земледельчестве, Толстой, скорее всего, полагал, что башкиры были спасены от разрушающего влияния собственности. При этом он и раньше не видел в них жертв колониализма, хотя знал об их бедственном положении. В знаменитом призыве 1873 года помочь жертвам голода Толстой описывает, в каком бедственном положении находится каждое десятое домохозяйство в деревне Гавриловка, но ни словом не упоминает башкир, которые страдали от голода еще сильнее, чем переселенцы (LXII, 25–42) (см. также: [Пругавин 1906: 173, 175]). Едва ли им досталось хоть что-то из собранной благодаря Толстому помощи.

Толстой не был исключением. Его представления о колонизации соответствовали взглядам российского общества. Сандерленд пишет:

Кочевники, независимо от того, воспринимались ли они жертвами пренебрежения со стороны государства, бенефициарами цивилизации или смесью того и другого, не были в центре внимания большинства образованных людей, наблюдавших за происходившим в степи. Эта честь принадлежала в основном колонизаторам [Sunderland 2004: 167–168].

Будучи культуртрегерами, крестьяне-колонизаторы завораживали публику как «нация в движении» и были готовыми героями для переселенческого романа Толстого. Впрочем, обращать внимание на неспособность Толстого высветиться над духом времени — едва ли нереалистичный, несправедливый и антиисторичный подход. Ниспровержение основ культуры было сутью позднего Толстого. Кроме того, с 1880-х годов развивающаяся в империи общественная мысль начала принимать сторону различных имперских меньшинств, о чем, например, свидетельствуют знаменитые выступления Николая Ядринцева в защиту коренных жителей Сибири. Получается, что этим вопросом вполне могли задаваться современники Толстого, включая журналистов, обвинявших правительство в обмане башкир.

Биографический факт владения колониальным поместьем не отменяет толстовской страстной защиты гуманности и его чувств по отношению к жертвам имперских завоеваний, описанных в произведениях о Кавказе⁵¹. Однако образ Толстого как антиколониального писателя времен царской России становится менее однозначен. Толстой слишком запутался в противоречиях своей эпохи, поэтому, осуждая жестокое завоевание Кавказа, он восхищался неумной энергией крестьян, не замечая при этом последствий их действий для коренного населения Кавказа или Башкирии. Таким образом, вопрос империи в творчестве и размышлениях Толстого требует переосмысления. Завороженные высокой драмой завоевания, мы все еще упускаем из виду будничную интермедию колонизации. Отвергая имперский штык, Толстой прославлял имперский плуг, признавая его приемлемым инструментом имперской экспансии⁵². Он не замечал всей ее несправедливости из-за того, что поселенческая колонизация повсеместно нормализовалась в России под видом земледельческого развития, а также из-за собственной народнически-националистической идеализации русского крестьянства, вышедшего из огня философской и антисобственнической ярости Толстого целым и невредимым.

Взгляд на империю сквозь призму поселенческой колонизации поднимает вопрос о целях и средствах. Искупила ли для Толстого благодать колонизации первородный грех жестоких завоеваний? В конце концов, едкая критика незаконных завоеваний не обязательно подразумевает неприятие самой идеи империи. Данное разграничение пошло бы на пользу при интерпретации кавказских текстов Толстого. Также может показаться, что сложное и неоднозначное восприятие Толстым морально скомпрометированной империи умалает его значение как великого писателя. Но и у этого есть и положительная сторона — наше скромное признание той исключительной силы, с которой исторический момент подвергает влиянию даже таких прозорливых моральных авторитетов, каким был Толстой.

Авториз. пер. с англ. Елизаветы Тимофеевой

Библиография / References

- [Афанасьев 1984] — *Афанасьев И.П.* Л.Н. Толстой в Самарском Заволжье. Куйбышев: Кн. изд-во, 1984.
- (*Afanas'ev L.N.* Tolstoi v Samarskom Zavolzhe. Kuybyshev, 1984.)
- [Гессен 1958] — *Гессен Л.А.* Работа Л.Н. Толстого над архивными материалами // Исторический архив. 1958. № 3. С. 216—218.
- (*Gessen L.A.* Rabota L.N. Tolstogo nad arkhivnymi materialami // Istoricheskii arkhiv. 1958. No. 3. P. 216—218.)
- [Гусев 1959] — *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- (*Gusev N.N.* Lev Nikolaevich Tolstoi: Materialy k biografii s 1855 po 1869 god. Moscow, 1959.)

51 Эти произведения подробно проанализированы в [Layton 1994] и [Hokanson 2008].

52 Столь же одобрительный взгляд на «завоевание сошников» во время немецкого «натиска на Восток» описан в: [Kopp 2012: 18—22].

- [Гусев 1963] — *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
(*Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoi: Materialy k biografii s 1870 po 1881 god. Moscow, 1963.*)
- [Зверев, Туниманов 2007] — *Зверев А., Туниманов В.* Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007.
(*Zverev A., Tunimanov V. Lev Tolstoi. Moscow, 2007.*)
- [Зорин 2020] — *Зорин А.Л.* Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
(*Zorin A. Leo Tolstoy. Moscow, 2020.*)
- [Летопись 1958] — Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: В 2 т. Т. 1. 1828—1890 / Сост. Н.Н. Гусев. М.: Academia, 1958.
(*Letopis' zhizni i tvorchestva L'va Nikolaevicha Tolstogo, 1828—1890. Vols. 1—2. Vol. 1 / Comp. by N.N. Gusev. Moscow, 1958.*)
- [Мартиновская 2009] — Лев Толстой и Самарский край: Воспоминания, письма и статьи / Сост. А.И. Мартиновская. Самара: Самарская гос. акад. культуры и искусств, 2009.
(*Lev Tolstoi i Samarskiy kray: Vospominaniya, pis'ma i stat'i / Comp. by A.I. Martinovskaia. Samara, 2009.*)
- [Мартиновская 1988] — Лев Толстой и Самара: Воспоминания, письма и статьи / Сост. А.И. Мартиновская. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1988.
(*Lev Tolstoi i Samara: Vospominaniya, pis'ma i stat'i / Comp. by A.I. Martinovskaia. Kuibyshev, 1988.*)
- [Дачи Соколовых и Шихобалова] — [Б.п.] Дачи Соколовых и Шихобалова (<https://samara-history.livejournal.com/57143.html> (дата обращения: 12.06.2023)).
(*Dachi Sokolovykh i Shikhobalova* (<https://samara-history.livejournal.com/57143.html> (accessed: 12.06.2023)).
- [Преображенский 1923] — *Преображенский П.А.* Колонизация Самарского края. Самара: Тип. Селькредсоюза, 1923.
(*Preobrazhenskii P.A. Kolonizatsiya Samarskogo kraia. Samara, 1923.*)
- [Пругавин 1906] — *Пругавин А.С.* Голодающее крестьянство. М.: Посредник, 1906.
(*Prugavin A.S. Golodayushchee krest'yanstvo. Moscow, 1906.*)
- [Усманов 1981] — *Усманов Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период, 60—90-е годы XIX века. М.: Наука, 1981.
(*Usmanov F. Razvitie kapitalizma v sel'skom khozyaystve Bashkirii v poreformennyy period, 60—90-e gody XIX veka. Moscow, 1981.*)
- [Шкловский 1967] — *Шкловский В.Б.* Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1967.
(*Shklovskii V.B. Lev Tolstoi. Moscow, 1967.*)
- [Эйхенбаум 2009] — *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: Исследования и статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009.
(*Eikhenbaum B.M. Lev Tolstoi: Issledovania. Stat'i. Saint Petersburg, 2009.*)
- [Bartlett 2011] — *Bartlett R.* Tolstoy: A Russian Life. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2011.
- [Belich 2009] — *Belich J.* Replenishing the Earth: The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783—1939. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- [Bojanowska 2018] — *Bojanowska E.M.* A World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate Pallada. Cambridge: Belknap Press, 2018.
- [Cornwell 1992] — *Cornwell N.* James Joyce and the Russians. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1992.
- [Foner 1998] — *Foner E.* The Story of American Freedom. New York: W.W. Norton & Company, 1998.
- [Hokanson 2008] — *Hokanson K.* Writing at Russia's Border. Toronto: University of Toronto Press, 2008.
- [Johnston, Lawson 2005] — *Johnston A., Lawson A.* Settler Colonies // A Companion to Postcolonial Studies / Ed. by H. Schwarz, S. Ray. Malden: Blackwell Publishing, 2005. P. 360—376.
- [Kopp 2012] — *Kopp K.* Germany's Wild East: Constructing Poland as Colonial Space. Ann Arbor, 2012.
- [Khodarkovsky 2018] — *Khodarkovsky M.* Between Europe and Asia: Russia's State Colonialism in Comparative Perspective, 1550s—1900s // Canadian-American Slavic Studies. 2018. Vol. 52. No. 1. P. 1—29.
- [Layton 1994] — *Layton S.* Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- [Mangold 2017] — *Mangold M.* Space and Storytelling in Late Imperial Russia: Tolstoy, Chekhov, and the Question of Property // Russian Review. 2017. Vol. 76. No 1. P. 72—94.
- [Maude 1910] — *Maude A.* Life of Tolstoy: In 2 vols. New York: Facsimile Publisher, 1910.
- [Morrison 2017] — *Morrison A.* Russian Settler Colonialism // The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism / Ed. by E. Cavanagh, L. Veracini. New York: Routledge, 2017. P. 313—326.
- [Pravilova 2011] — *Pravilova E.* The Property of Empire: Islamic Law and Russian Agrarian Policy in Transcaucasia and Turkestan // Kriatika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. No. 2. P. 353—386.

- [Pravilova 2014] — *Pravilova E.A.* A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 2014.
- [Steinwedel 2007] — *Steinwedel C.* How Bashkiri-ria Became Part of European Russia, 1762—1881 // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700—1930* / Ed. by J. Burbank, M. von Hagen, A.V. Remnev. Bloomington: Indiana University Press, 2007. P. 94—124.
- [Steinwedel 2016] — *Steinwedel C.* Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiri-ria, 1552—1917. Bloomington: Indiana University Press, 2016.
- [Sunderland 1998] — *Sunderland W.* An Empire of Peasants: Empire-Building, Interethnic Interaction, and Ethnic Stereotyping in the Rural World of the Russian Empire, 1800—1850s // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / Ed. by J. Burbank, D.L. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1998.
- [Sunderland 2000] — *Sunderland W.* The Colonization Question: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Vol. 48. No. 2. P. 210—232.
- [Sunderland 2003] — *Sunderland W.* Empire without Imperialism?: Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia // *Ab Imperio*. 2003. No. 2. P. 101—114.
- [Sunderland 2004] — *Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca: Cornell University Press, 2004.
- [Troyat 1967] — *Troyat H.* Tolstoy. New York: Garden City, 1967.
- [Veracini 2010] — *Veracini L.* Settler Colonialism: A Theoretical Overview. Palgrave Macmillan, 2010.
- [Weickhardt 2012] — *Weickhardt G.G.* Tolstoy and Agrarian Reform: From Levin to Nekhludov to Anarchism // *Canadian-American Slavic Studies* 46. 2012. No. 4. P. 467—481.
- [Wilson 1988] — *Wilson A.N.* Tolstoy. New York: W.W. Norton & Company, 1988.
- [Wolfe 1999] — *Wolfe P.* Settler Colonialism and the Transformation of Anthropology: The Politics and Poetics of an Ethnographic Event. London: Continuum, 1999.
- [Wolfe 2006] — *Wolfe P.* Settler Colonialism and the Elimination of the Native // *Journal of Genocide Research*. 2006. Vol. 8. No. 4. P. 387—409.
- [Wortman 1989] — *Wortman R.* Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. by O. Crisp, L. Edmondson. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 13—32.